

УДК 32
ББК 66
К 126

К 126 КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ. - Ереван, Кавказский институт СМИ, 2006. - 359 с.
Второй выпуск ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь внутренне- и внешнеполитическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2004 г. В приложении имеется хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Редактор А. Искандарян
Редколлегия: Н. Искандарян, А. Карагулян, С. Минасян
Дизайн обложки студии «Матит» www.matit.am
Макет и географические карты: студия «Коллаж»

The Caucasus Yearbook. - Yerevan, CMI, 2006. - 359 p.
The second CMI Yearbook sums up year 2004 in the Caucasus based on talks given by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and Turkey at the Yearly CMI conference. The bulk of the volume are analytical papers on a number of issues, primarily in the area of domestic and foreign policy, of the Southern and Northern Caucasus. Appendices contain brief chronology, statistics, lists of books about the Caucasus, maps and web links.

Editor A Iskandaryan
Editorial team: N Iskandaryan, A Karagulyan, S Minasyan
Cover design by Matit www.matit.am
Layout and maps by Collage

ISBN 99941-2-028-x

ББК 66
© КИСМИ, 2006 г.
© 2006 by Caucasus Media Institute

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	4
<i>Статьи</i>	
А.Искандарян Феномен цветных революций как ядро политического дискурса в странах Южного Кавказа	6
А.Юнусов Азербайджан периода Ильхама Алиева	16
Г.Арешидзе Государственное строительство и правление в новой Грузии	46
С.Золян Это сладкое слово «стабильность». Армения в 2004 г.	87
Л.Арутюнян «Общество ни войны ни мира» и перспективы мирного разрешения карабахского конфликта	104
А.Хачатрян Энергетическая безопасность стран Южного Кавказа - роль стран региона и внешних сил	111
С.Арутюнов Россия на Северном Кавказе	129
М.Баснукаев Чеченский регион: риторика и реальность	136
А.Скаков Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г.	146
И.Торбаков Изменения в Турции и кавказская политика в 2004 г.	182
Д.Петросян Непризнанные государства Кавказа: тенденции развития	190
<i>Приложения</i>	
Основные экономические тенденции развития стран Южного Кавказа	291
2004 год на Кавказе: краткая хронология	297
Книги о Кавказе, вышедшие в 2004 г.	322
Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе	336
<i>Об авторах</i>	342
<i>Географические карты</i>	343
<i>Примечание редактора</i>	
1. Кавказ. Вид из космоса	344
2. Кавказ. Политико-административная карта	345
3. Кавказ. Этнографическая карта	346
4. Черноморско-каспийский регион	347
Схема трубопроводов	
Contents/Authors/Summary	348
<i>Издания Кавказского института СМИ</i>	352

.....

Весь 2004 год на Южном Кавказе и шире, на значительной части постсоветского пространства, прошел под знаком «цветных революций». Обсуждение любых политических событий последнего времени неизбежным образом выливается в острую дискуссию о революциях. Политическая риторика, газеты, телевизионные диспуты, даже разговоры в кафе в странах бывшего СССР переполнены зачастую очень резкими и полярными комментариями на эту тему.

В данном контексте интересным объектом исследования становятся не только сами революции, но и посвященный им дискурс. Более того, сам по себе дискурс о «цветных революциях», существующий на постсоветском пространстве вообще и на Южном Кавказе в частности - столь важное и характерное явление последних лет, что всякое политологическое исследование феномена «цветных революций» обязано учитывать и связанный с этим феноменом дискурс.

При самом поверхностном исследовании революционного дискурса на Южном Кавказе сразу же обращает на себя внимание тот любопытный факт, что предметом широкого обсуждения оказываются далеко не все «цветные революции», даже из числа произошедших в последние годы в бывших социалистических странах. Так, ни в прессе, ни в околонучных кругах совсем не обсуждается ни неудавшаяся революция в Молдове, ни успешная революция в непризнанной Абхазии. Очень редко упоминается и сербская революция, во всяком случае, она почти не фигурирует в контексте событий последнего года. Разумеется, о более ранних и далеких прецедентах - например, о классической филиппинской революции ЭДСА¹ - знают только узкие специалисты, как и о том, что феномен революций, подобных «цветным», уже достаточно давно описан в научной литературе.

---

¹ См. например: Dictatorship and Revolution. Roots of People's Power. Manila, 1988; People Power. An Eye-Witness History: the Philippines Revolution of 1986. Manila, 1986; Подберезский И.В. Приключения демократии на Востоке // Сборник: Восток-Запад-Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

Выборочность дискурса непосредственно указывает на его мотивацию. Из выборки следует, что сами революции, их причины и результаты, мало интересуют обсуждающих - их интересует возможность примерки революции на свою страну, революция как способ решения назревших в собственной стране проблем. Поскольку дискуссии подчинены именно стремлению доказать - или опровергнуть - необходимость революции в стране, где они ведутся, то из рассмотрения исключаются примеры, которые трудно транспонировать на собственное государство: слишком далекие (Филиппины), неудачные (Молдова) или проходящие в принципиально других условиях (непризнанная Абхазия).

Если же дискурс имеет лишь косвенное отношение к сущности революций, заслуживает ли он отдельного обсуждения? Несомненно, ибо этот остро политизированный дискурс является отражением очень характерных явлений в политической жизни бывших советских стран, более того - его причинно-следственная связь с самими революциями представляется более сложной, чем кажется на первый взгляд. Есть множество оснований предполагать, что сами «цветные революции» в значительной мере были порождением подобного дискурса.

Возможность смены власти не на выборах широко обсуждалась во многих бывших советских странах все последние годы, еще до начала революционной волны. Будучи совершенно вненаучным в своей основе, дискурс этот чрезвычайно обширен и разнообразен по форме: он и журналистский, и квази-политологический, и бытовой. Он мгновенно ставит говорящего на одну из сторон политических или даже поколенческих баррикад. И, конечно, баррикады эти строятся по отношению к внутриполитическим реалиям страны, в которой идет обсуждение, а не той, в которой произошла революция.

Если отстаивается позиция, согласно которой данной стране необходима смена власти, то аргументация строится в основном на личностях революционных лидеров: они определяются как демократичные, прогрессивные, прозападные. Так как Запад в данном дискурсе имеет знак «плюс», очень часто дополнительно отмечается свободное владение английским языком.

Аргументы в пользу противоположной позиции, в основном сводимой к тому, что данной стране нужна стабильность, состоят обычно в том, что «цветные революции» привнесены извне (с Запада) и куплены на деньги транснациональных сил. Доказательство или

опровержение факта привнесения извне - одна из основных тем революционных диспутов, и здесь не имеет никакого значения известный каждому первокурснику - политологу факт, что революция извне может быть лишь катализована, но никак не привнесена.

Еще одна важная особенность состоит в том, что участники дискуссии и авторы статей о революциях нечасто имеют представления о тех странах, в которых они происходили. Нередко единственное, что известно политизированным обозревателям о Кыргызстане - это тот факт, что там недавно произошла революция. Можно предположить, что происходящее при поиске простых решений механическое наложение чужого опыта на реалии собственной страны приводит к мифологизации дискурса. То есть в данном контексте обсуждается не реальный Кыргызстан, а образ Кыргызстана, основная составляющая которого - это потенциальная возможность неэлекторальной смены власти. В мифологическом контексте не имеет значения, каким именно формальным критериям демократического лидера соответствуют Бакиев, Саакашвили или Тимошенко. Речь идет лишь о возможности разрубить гордиев узел проблем собственной страны.

Если же обратиться к собственно феномену постсоветских цветных революций, то у них уже наметились некоторые общие, типические черты.

Итак, первая революция такого рода на территории бывшего СССР произошла - и потерпела поражение - в Армении в сентябре 1996 г. Там уже были налицо все составные части этого явления, кроме поддержки и интереса со стороны Запада. Затем состоялись три успешные революции - грузинская Революция роз в конце 2003 г., безымянная революция в Абхазии осенью 2004 г. и Оранжевая революция на Украине в самом конце 2004 г. Абхазская, наименее обсуждаемая, была и самая впечатляющая: она удалась, несмотря на сильнейшее противодействие единственной, но зато огромной внешней силы - России. Революция в Молдавии в феврале-марте 2005 г. не удалась, но в том же марте в Кыргызстане увенчалась успехом Тюльпановая революция, стоящая несколько особняком ввиду своей регионально-клановой природы.

Первое, что бросается в глаза - это зона, в которой происходят эти революции. Условно территорию бывшего СССР можно разделить по признаку ротации власти на **три зоны**².

Первая зона - это те государства, которые в той или иной мере уже выработали систему ротации власти, основанную на признании результатов выборов. В данном случае не имеет значения, насколько проводимые в этих странах выборы являются честными и справедливыми и обходятся без фальсификаций и манипуляций. Во-первых, в разных странах количество и качество фальсификаций различается, а во-вторых, в данном случае важна не справедливость или честность самих выборов, а легитимность их результатов в глазах общества. Государства этой зоны смогли построить свою политическую культуру таким образом, что выборы проходят регулярно, политическая оппозиция, пусть и не всегда охотно, признает результаты этих выборов. Признает их и общество, и так власть передается от одного лидера к другому. В эту зону из постсоветских стран входят три балтийских государства и Молдова. В двух из первых трех государств существует система апартеида: в Эстонии примерно четверть, а в Латвии примерно треть населения не участвует в выборах. Однако в силу различных причин лишены права голоса жители Латвии и Эстонии также признают результаты выборов. Во всяком случае, на баррикады они не выходят. В этих государствах обычно уже произошла двукратная передача власти (напр. от Снегура к Лучинскому, от Лучинского - к Воронину), общество воспринимает эти передачи как легитимные и использует выборы как механизм ротации элит.

Очень интересен, хотя и расположен за пределами тематики статьи тот факт, что все эти четыре государства точно накладываются на те территории бывшего Советского Союза, которые были к нему присоединены примерно на 20 лет позже всех остальных.

Вторая зона - это режимы типа туркменского и узбекского, отчасти к ним приближаются белорусский и российский, где пока что передача власти либо вообще не происходила, либо происходила фактически путем наследования. Строго говоря, в этих странах выборы являются не более чем инструментом чисто внешней легитимации режимов безротационного правления. Если бы не давление со стороны Запада, никаких выборов в этих странах вообще могло бы не быть. Но поскольку существует внешний стандарт, которому надо соответствовать, население в целом дисциплинированно приходит к урнам и голосует за лидера, зачастую безальтернативного.

Вполне ясно, почему ни в первой, ни во второй зоне не происходят такие явления, как «цветная революция». В первой зоне уличные революции не нужны, общество просто не испытывает в них

² Ср. классификацию Д.Е. Фурмана, напр. в работе: *Фурман Д.* Демократия в Азербайджане: проблема ротации власти // Кавказ-2003. Ежегодник КИСМИ, Ереван, 2005.

потребности, располагая надежным, работающим механизмом смены лидеров. Именно в этом, на мой взгляд, состояла причина неудачи молдавской революции. Во второй зоне цветные революции невозможны (теоретически возможны только кровавые восстания, подобные андижанским событиям), ибо там отсутствуют необходимые условия для формирования соответствующих сил и структур - политической оппозиции, независимой прессы, политических партий и пр.

Соответственно, где-то на полпути между странами первой и второй зоны существует некая третья зона, в которой система ротации власти уже в том или ином виде существует или начинает выработываться, но еще не вполне сформирована и не легитимирована. Власть в этих странах иногда меняется, но не всегда законным путем, и при любом исходе результаты выборов не признаются проигравшей стороной, которую хотя и не допускают к власти, но все же не уничтожают физически. Таким образом, в странах третьей зоны выборы не воспринимаются обществом как действенный механизм смены власти. Главное, что поскольку культура легитимации выборов не выработана, то в этих странах возникает зазор, в котором только и может существовать стандартный сценарий «цветной революции».

Сценарий революции выглядит примерно так: проводятся выборы, причем оппозиция заранее готовится к проигрышу, совершенно не надеясь на победу ввиду утвердившейся в стране практики фальсификаций результатов выборов, либо слабости самой оппозиции, либо и того, и другого вместе взятого - причины в данном случае второстепенны, важен сам факт невозможности победы собственно на выборах. Затем оппозиция не признает результаты выборов и выводит людей на митинги. Иногда именно на этом этапе формируется лидерство революции, например, так, как это было в Грузии, от триумвирата Бурджанадзе-Жвания-Саакашвили к лидерству Саакашвили, иногда лидер меняется по ходу событий (Кулов-Бакиев в Киргизии). Иногда уже на этом этапе революция терпит поражение. Если нет, то следует период давления, волевой игры, и если власть слаба - она сдается, если не настолько - выдерживает. Далее создается миф о революции для внешнего потребления, и она начинает обсуждаться повсюду - либо как пример для подражания, либо как пугало.

У лидеров цветных революций есть общая и очевидно неслучайная черта: все они - выходцы из власти. Это их отличает от лидеров

революций настоящих, то есть конца 1980-х - начала 1990-х гг., когда менялся общественный строй, а не только персоналии. Ни Тер-Петросян, ни Эльчибей, ни Гамсахурдиа не происходили из власти, новые же лидеры ею сформированы. Не случайно, что во всех трех странах Южного Кавказа широко употребляется термин «обиженный» - человек, затаивший обиду на власть за несправедливое, по его мнению, изгнание из ее рядов. Этот термин, несомненно, заслуживает быть введенным в политологический оборот, ибо он обозначает специфическое явление, не совпадающее с политической оппозицией в широком смысле этого слова. Оппозиция, сформированная вне власти, цветных революций, как показывает опыт, не делает. Возможно, ей не хватает понимания механизмов функционирования власти, «ощущения» ее законов. По разным причинам потерявшие в прошлом высокие государственные посты, нынешние революционные лидеры сумели сформировать оппозицию, причем сформировать ее ситуативно - в тот момент, когда это наиболее разумно, когда власть наиболее слаба, т.е. в момент передачи власти, неуверенности элиты и напряжения политической системы. Результатом революции становится своего рода «восстановление на работе» незаконно уволенных.

Все эти явления - *столичные*. Строго говоря, мы имеем дело не с не грузинской, абхазской или украинской революциями, а с тбилисской, сухумской и киевской. Митинги, разумеется, могут стоять и в провинциях - как стояли они в Донецке и в Батуми - более того, они могут быть противоположной направленности, но исход революции определяется в столице, точнее, обычно в «социальном центре» столицы. Механизмом выступает обычно *особый вид голосования*. Я намеренно употребляю этот термин, хотя выражение своей воли путем стояния на площадях столиц - очень специфический вид участия масс в политическом процессе, но все же именно он делает эти события заслуживающими название революции, в отличие от кабинетных переворотов, передачи наследникам и других способов ротации власти в исследуемом пространстве. Важно отметить, что это «голосование» является выражением мнения не всего населения, а лишь социально-активной части населения столиц. Ведь для того, чтобы «отдать свой голос», недостаточно просто бросить в урну бюллетень - нужно быть готовым придти на улицу и стоять там часами и сутками, сопротивляться, мерзнуть, рисковать - а для этого надо быть достаточно сильно мотивированным. Только при помощи

такого механизма организаторы и технологи революции могут рассчитывать на победу. В такой ситуации неважно, что происходит в провинции, да и вообще в более социально пассивных стратах общества, ибо это не борьба за перевес по схеме «один человек - один голос», а борьба социальных энергий.

В этом ряду есть исключение - Кыргызстан, где революция была явлением скорее ошским по генезису, чем бишкекским. Тому есть причина: в Кыргызстане оппозиционная энергия формировалась главным образом не на политическом уровне, а на региональном. Региональные кланы сыграли здесь роль своего рода политических партий. А в смысле наличия оппозиционной массы и в смысле места, откуда исходят такого рода импульсы, Ош можно назвать в каком-то смысле столицей Кыргызстана.

Цветные революции - это «революции онлайн», они требуют технологичности, экспертной базы и менеджмента: в частности, координации работы СМИ, лоббирования за пределами страны, управления ходом митингов, организации транспорта, снабжения митингующих пищей и пр. Технологии можно варьировать, например, в Абхазии из-за ее непризнанности лоббирование на Западе было невозможно, был ограничен приток денег из-за границы, минимально участие зарубежных СМИ. Соответственно, там были другие технологии: вместо прессы использовались митинги (компактность Сухуми это позволяла), а вместо «денег Сороса» - деньги абхазской диаспоры в России. Или, скажем, в Кыргызстане место политических размежеваний занимали региональные различия. Но технологичность и некоторая степень организации необходимы всегда, а следовательно, обязательным условием революции является наличие структуры, способной возглавить революцию, то есть *контрэлиты* - там, где ее нет, революцию инициировать не удастся.

Соответственно, еще одна общая черта всех успешных «цветных революций» - это *раскол экономических элит*. Они, как никто, чувствуют слабость государства (во всяком случае, часто гораздо лучше профессиональных аналитиков) и начинают частями переходить от власти к оппозиции, на всякий случай поддерживая последнюю. Если этот элемент - переход части экономических элит на сторону оппозиции - отсутствует, значит, государство настолько консолидировано, что в нем успел образоваться своего рода континуум, в состав которого входит крупный бизнес (в масштабах страны, конечно), криминальное сообщество, военная элита, коррумпированное чиновничество и т.д. Этот континуум просто не

позволяет образоваться контрэлите, хоть сколько-нибудь способной на революцию. И наоборот, если государство не способно консолидировать элиты, то часть из них имеет возможность перебежать на сторону оппозиции или создать ее. Это обязательное условие «цветной революции». Так, децентрализованность коррупции позволяет коррумпированным бизнесменам делать ставки на разные силы - именно это обеспечило возможность революции, например, в Грузии, где режим Шеварднадзе уже просто не обладал достаточным властным ресурсом, чтобы смещать и назначать местных князьков. А в тех местах, где подобного раскола экономических элит нет, где они консолидированы, оппозиционерам приходится сражаться в одиночку - как это было в 1996 г. в Армении, где революция потерпела поражение.

Представляется, что так часто муссирующееся *влияние внешних сил* можно лишь с большими оговорками включить в список характерных особенностей «цветных революций». Внешнее влияние - на мой взгляд, фактор частный: оно было не везде, а там где было - явно преувеличено. Его практически не было в Кыргызстане, а там революция случилась. В Абхазии получилось наоборот: маленькая Абхазия выдержала гигантское давление со стороны России и в конечном итоге избрала Багапша. Так что внешнее влияние никому не мешало, но и не более того.

Итоги цветных революций, конечно, еще рано подводить. Однако некоторые их непосредственные результаты уже наблюдаемы.

Во-первых, в итоге этих революций чаще всего *повышается уровень демократической риторики и понижается уровень демократии* - тот специфический ее уровень, который позволяет этим революциям произойти. К власти в результате цветных революций приходят люди, возглавлявшие контрэлиту. Оставшейся без лидеров контрэлите как минимум какое-то время просто больше неоткуда взять новых - пока новая власть не начнет распадаться. Соответственно, на какое-то время новая власть избавлена от давления оппозиционных сил. Кроме того, в результате революции политика начинает сильнее влиять на экономику, отчего та становится более контролируемой и централизованной, приближаясь к моделям тех стран, где революции не было, так как им удалось избежать раскола элит. Таким образом, цветная революция есть элемент национального строительства в странах, не сумевших выработать действенные механизмы

консолидации элит и создавших вместо них бонапартистские режимы, балансирующие между интересами различных, чаще всего региональных, элитных групп.

Во-вторых, результатом революции становится *смена поколения до смены поколения*: происходит смена имиджа страны на «прозападный» притом, что соответствующие элиты еще не сложились. Населению хочется дистанцироваться от бывшей метрополии, и получается иногда смешно. Например, педалируется тот факт, что Саакашвили закончил западный вуз и очень хорошо говорит по-английски. И неважно, что до этого он успел закончить заскорузлый советский Киевский институт международных отношений, и по-русски говорит как минимум не хуже. Имидж нужно менять - и Бакиев становится демократом, а Багапш - чуть ли не антироссийски настроенным политиком. Просто еще не выросли физически «несоветские» политические лидеры, а становление новой ментальности зашло достаточно далеко для того, чтобы социально-активное население пыталось вырваться из-под гнета прогнивших режимов, особенно если они прогнили достаточно сильно, чтобы такая попытка имела шанс увенчаться удачей.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, после революций *страны остаются сами собой*. Главный ресурс новой Грузии - тот же, что и Грузии старой: имидж ее правителя - демократического, прозападного, борца с «внешними обстоятельствами» (то есть Россией) и внутренней косностью - только теперь его фамилия Саакашвили, а не Шеварднадзе. Украину продолжают терзать финансово-промышленные группировки, раскалывающие еще не сложившуюся нацию на Запад и Восток по политическим, экономическим, этнокультурным и даже религиозным разломам - и не по линии Вашингтон-Москва, как иногда кажется наблюдателям извне, а по линии Львов-Донецк. Кыргызстан по-прежнему делят между собой, попеременно приходя к власти, полууголовные региональные элиты, в данном случае разделенные по линии Север-Юг.

Пока еще ни одной стране в мире не удалось в кратчайшие сроки избавиться от присущей ей политической культуры. В «третьей зоне», где власть уже может меняться, но еще не может меняться по настоящему легитимным образом, образуется своего рода зазор, в который и прорываются «революции» как олицетворение вполне ес-

тественного желания утомленного постсоветской трансформацией населения одним взмахом изменить неудовлетворительную реальность. Однако представляется маловероятным, что неделя-другая массового стояния на площадях и яростной имиджевой кампании сможет заменить собой годы политической борьбы, формирования политических институтов и воспитания масс в духе демократических свобод.